

В. Г. Белинский

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка»

Виссарион Григорьевич Белинский

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2770075*

Аннотация

«...Журналы у нас судят о предметах науки, искусства и литературы не по праву сильного завладения, а по изволению высшей власти, со времен Петра Великого и до настоящего мгновения содействующей и благотворящей успехам просвещения и образованности в России. Было время, когда великая монархиня была участницею журнала в качестве писателя. Теперь журналистика сделалась потребностью образованной части русского общества, вошла, так сказать, в его привычки и нравы, именно вследствие этого деятельного покровительства свыше. Что теперь есть (как и были прежде и, к сожалению, будут всегда) журналы, которые добиваются попасть в законодатели и оракулы наук и словесности, – это правда; но правда и то, что именно этого-то рода журналы и не успевают никогда в своем намерении, потому что успех всегда остается на стороне журналов, которые без претензий, но зато с талантом и знанием дела, объявляют свое мнение о предметах,

законно подлежащих их суждению, то есть о науке, искусстве и литературе...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Виссарион Григорьевич Белинский

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка»

*War'der Gedank'nicht so verwiünscht gescheidt,
Man war'versucht, ihn herzlich dumm zu nennen.
Schiller («Wallenstein»)^[1]*

*Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил...
Крылов («Музыканты»)*

Должно, однако ж, заметить, что литературные несогласия того времени были не иное что, как рыцарские поединки, в которых действовали одним законным и честным оружием; тогда искали торжества мнению своему, хотели выказать искусство свое, удовлетворить некоторой удалости ума, искавшего в подобных сшибках случайностей гласности и блеска. По вышеприведенному замечанию, что у нас тогда было более аматёров, нежели артистов, следует, что и в сих распрях выходили друг против друга добровольные, бескорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуют из денег, нападают сегодня на того, за которого дрались вчера, торгуют равно и присягою и оружием своим, и за

бессилием своим в бою начистоту готовы прибегать ко всем пособиям предательства. Убегая с открытого поля битвы, поруганные и уязвленные победителем, они не признают себя побежденными: если стрелы их не метки и удары не верны, то они имеют в запасе другое оружие, потаенное, ядовитое, имеют свои неприступные засады, из коих поражают противников своих наверное.

Князь Вяземский («Библиографические и литературные записки о Фонвизине и его времени», помещенные в «Утренней заре» 1841 года)

Все согласны в очевидности успехов нашей литературы. Каждая эпоха ее имела своих достойных представителей; настоящая имеет своих, и в этом отношении ей нечем гордиться перед своими предшественницами. Но она имеет полное право гордиться пред ними своею зрелостью. С годами она стала мужественнее, опытнее, умнее. И если она пережила не слишком много годов, зато в пережитые ею немногие годы подверглась многим неожиданным изменениям, перепробовала много новых путей мысли и формы; это принесло ей ту великую пользу, что «новость» мысли или формы она уже не принимает больше за достоинство этой мысли или за достоинство этой формы. С литературою, естественно, возмужала и публика. Теперь посредственность тщетно стала бы рядиться в павлиньи перья изысканной оригинальности, ложного пафоса, блестящей фразеологии: время успехов ее миновало. Расчетливое корыстолюбие, в связи с добродушною ограниченностью, тщетно стало бы теперь надевать на себя

маску иступленного фанатизма: оно никого не уверит в глубокости своих убеждений, в которых все увидят одно только низкое лицемерие. Старый, выписавшийся сочинитель может теперь сколько ему угодно нападать на талант и гений, на убеждение и заслугу и хвалить самого себя и свои сочинения: от этого ни ему, ни его сочинениям не будет лучше, так же как не будет хуже ни таланту, ни гению, ни убеждению, ни заслуге. Имена потеряли теперь все свое очарование. Публика восхищается сочинениями, а не именами. Кто бы ни издал для нее сборник хороших статей, – если статьи хороши, она раскупает сборник, хотя бы его издатель был вовсе ей неизвестен; если статьи плохи, она не покупает сборника, хотя бы его издатель был презнаменитое лицо в литературе и под статьями сборника тоже выставлены были громкие имена. Если бы генияльный писатель вдруг издал что-нибудь недостойное его таланта и имени, это сочинение без всяких обиняков было бы названо всеми посредственным или плохим. Новый талант, великий или обыкновенный, может теперь смело выходить на литературное поприще без журнальных и всяких других протекций: он сейчас же будет признан за то, что он есть в самом деле, и его успех всегда будет более или менее соответствен его степени. Направление современной литературы русской носит на себе отпечаток зрелости и мужественности. Литература наша с недоступных высот великих идеалов, которых осуществлений никто не видал и не встречал на земле, спустилась на землю и принялась

за разработку современной действительности, представляемой толпою. Этим из предмета праздной забавы она сделалась предметом дельного занятия. В ней теперь утвердились два великие элемента – стражи здравого эстетического вкуса против всего фразерского, натянутого, неестественного, слабого, сентиментального, ложного: мы говорим об *иронии* и *юморе*. С ними открыт для нашей литературы прямой, широкий и надежный путь к истинным, плодотворным успехам в будущем.

Но главная, существенная сторона успехов современной русской литературы заключается, конечно, в том, что теперь широк и легок путь для таланта, узок и труден для посредственности, невозможен для бездарности. Но из этого самого прогресса вышло не совсем отрадное следствие, как бы для доказательства того, что, если справедлива поговорка: нет худа без добра, видно, правда и то, что не бывает и добра без худа. Посредственность и бездарность всегда были завистливы, беспокойны и раздражительны, но теперь неудачи доводят их до готовности пользоваться всеми средствами для поддержания своего падшего кредита, для поражения всех и каждого, кто с большим или меньшим успехом действует на литературном поприще. Журнальная полемика – не новость в нашей литературе. Почти все записные читатели на святой Руси до страсти любят полемические статьи, – и в то же время почти все любят бранить полемику. Многие из них точно так же от всей души убеждены в страшном вреде полеми-

ки для нравов, как и в великой пользе для тех же нравов от преферанса, сплетен и зевоты. Что до нас, – мы убеждены, что в благоустроенном обществе нестерпимы злоупотребления полемики, то есть дурной тон, площадная резкость выражений, личности; но что в полемике, умеющей держаться в пределах чисто литературных вопросов и выражаться прилично, нет никакого вреда, а, напротив, есть много пользы, потому что такая полемика дает литературе жизнь и движение. Если бы иногда полемика и позволяла себе немного забываться и проговариваться, – большой беды в этом нет, и такого рода промахи должны подлежать суду общественного мнения. Назад тому лет двенадцать полемика наводняла собою все журналы, и нельзя сказать, чтоб иногда она не грешила против хорошего тона; но зато и нельзя сказать, чтобы позволяла себе такие странные выходки, которые скорее можно назвать «юридическими», нежели «литературными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания